

Добужинский и „Ревизоръ“.

(Письмо изъ Париза).

Я слышалъ объ этой постановкѣ уже въ Германіи, гдѣ «Ревизоръ» шелъ въ Дюссельдорфскомъ театрѣ. Не забуду, какъ въ одной изъ многочисленныхъ статей, посвященныхъ этому спектаклю, авторъ кончалъ свои восторги словами: «Мы многому научились отъ русскихъ въ области техническихъ и психологическихъ возможностей театра. Ex oriente lux. («Свѣтъ съ Востока»).

Дѣйствительно, Западъ очень отсталъ въ дѣлѣ инсценировки спектакля. О Франціи не стоитъ и говорить, — прямо глухая провинція, и это — въ Парижѣ! Германія, конечно, сильнѣе, но и она многому научилась у Станиславскаго, Таирова, Мейерхольда и Вахтангова.

Шаровъ, который съ Добужинскимъ ставилъ «Ревизора» — артистъ и режиссеръ Художественнаго Театра.

Весьма понятно, что слышавшіе много объ этой очередной побѣдѣ русскаго искусства, я, прѣхавъ въ Парижъ, заглянулъ къ М. В. Добужинскому, чтобы, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ узнать о работѣ надъ спектаклемъ.

«П. Ф. Шаровъ, приглашенный на мѣсто главнаго режиссера въ Дюссельдорфскій театр, — говорилъ мнѣ М. В. Добужинскій, — давно уже носился съ мыслью показать Германіи знаменитую комедію, выявивъ весь смыслъ ея, какъ понималъ его самъ Гоголь. Конечно, вся предварительная подготовка шла между нами пись-

менно, и я очень былъ радъ сразу отмѣтить, что мой подход къ пьесѣ вполне совпадалъ съ режиссерскимъ.

Какъ вы знаете, Гоголь въ ужасѣ былъ отъ премьеры его пьесы. Онъ писалъ, что готовъ былъ бы собрать все экземпляры «Ревизора» и сжечь, такъ постановка пьесы не отвѣчала его заданіямъ. Съ одной стороны, великій писатель рисовалъ въ своей комедіи «внутренній городъ нашей души», а съ другой — какой-то фантастическій, невероятный городокъ, гдѣ тиши были не мѣстнаго характера, а — всечеловѣческаго. Другими словами, представляемый имъ бытъ скорѣй былъ не типично-реальный, а полный символизмъ.

Вотъ изъ такого довольно сложнаго толкованія Гоголемъ своей пьесы я выходилъ въ своихъ эскизахъ къ спектаклю. Такимъ образомъ, нужно было создать и не гротескъ въ шаблонномъ смыслѣ даннаго слова, и не водевилъ, что дали французы въ недавнемъ своемъ парижскомъ спектаклѣ».

Добужинскій показалъ мнѣ свои эскизы. Нѣсколько изломанная линия парила на нихъ. Запомнился особенно одинъ: квартира городничаго. У окна стоятъ дочь и жена городничаго. Въ окнахъ виднѣтся типично-провинціальныи русскій городокъ и въ то же время полный ирреальности. Его причудливо-косые домишки, церкви, криво улыбающійся горизонтъ даютъ странное впечатлѣніе синтеза по-

шлаго быта съ причудливымъ надвѣніемъ исковерканнаго жизнью ума, которому все кажется косымъ, нѣсколько преувеличеннымъ, который каждую минуту готовъ принять букашку за слона и плагчаваго человечка за фельдмаршала. Это — умъ городничаго. Онъ царитъ во всей пьесѣ. Сквозь призму такого ума смотреть на жизнь и все окружающее городничаго. Понятно, что и сама квартира начальника «фантастичнаго города», отъ котораго «три года слачи, ни до какой заграницы не доскачешь», отвѣчаетъ излому души Сквозника-Дмухановскаго. «Косая линія» царитъ въ этой квартирѣ. «Перешлеты» ея даютъ впечатлѣніе паутина, освѣщенной и въ дуплѣ городничаго, и въ его домѣ.

«Въ этомъ домѣ, — замѣтилъ Добужинскій, — я сдѣлалъ колонны. Колонны по окраскѣ своей похожи на... верстовые столбы и въ то же время на сторожевую будку. Никого это не шокировало и въ то же время отвѣчало «умственному состоянію» самого городничаго. «Эстетика» его давала тонъ всему».

Въ характеристикѣ образовъ пьесы, я, напримѣръ, отказался отъ трафарета представить Бобчинскаго и Добчинскаго въ качествѣ шутковъ. Зачѣмъ? Это очень милые симпатичные люди. Ихъ все знаютъ. Ихъ все любятъ. Вездѣ ихъ принимаютъ. Съ другой стороны, слѣдуя въ этомъ отношеніи за Гоголемъ, надо было подчеркнуть и нѣсколько утрировать цѣлый рядъ дѣй-

ствующихъ лицъ, которые были не образы, а «образины».

Не могу не сказать, что Шаровъ ввелъ въ спектакль нѣкоторыя весьма характерныя и любопытныя детали, которыя только способствовали усиленію впечатлѣнія отъ спектакля. Такъ, напримѣръ, въ самому послѣднему моменту произнесенія городничимъ своихъ знаменательныхъ словъ «каждъ къмѣя смѣетесь, — надъ собой смѣетесь!...» зрительный залъ освѣщался сполна. Это вдругъ давало впечатлѣніе, что разрушалось средостѣніе между заломъ и сценой. Они сливались въ одно. Слова городничаго, обращенныя къ публикѣ, очень и очень доходили до нея. Чувствовалось тогда особенно, какая великая трагедія лежитъ въ основѣ гениальной и... страшной пьесы...

Какъ занимались артисты?.. Стало одно: вспомнить вдохновенную работу нашихъ художественниковъ. Отрадно было жить въ той атмосферѣ. Къ тому же, благодаря Шарову, артисты необычайно близко подошли къ изображеннымъ имъ типамъ. Временами я смотрѣлъ на спектакль и мнѣ казалось, что я въ прекрасномъ русскомъ театрѣ.

Сейчасъ Шаровъ думаетъ о постановкѣ «Раскольниковъ» и «Павла І». Не приходится говорить, какая интересная работа связана съ этими пьесами...